

*Интернациональный
Союз Писателей*

Иванова

*Группа ИСП
ВКонтакте*

Валентина Спирина Иванова. Группа ИСП ВКонтакте

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350154
ISBN 9785449666840*

Аннотация

Спирина Валентина Петровна, урождённая Иванова, отсюда и фамилия, под которой пишу. Родилась 17 мая 1972 года в маленьком провинциальном, но очень красивом старинном городе Касимов. Четвертая дочка в обычной рабочей советской семье. В 2007 году попала в больницу и, казалось бы, простая операция, но она обернулась четырьмя годами больниц и чередой последующих операций. Там, в больнице, начала писать стихи, дабы хоть как-то оттолкнуться от невесёлой реальности.

Содержание

Интернациональный Союз Писателей	5
Я не пишу стихи. Я ими думаю	7
День. Месяц. Год	12
Ну и что, что осень	14
Мистический лес	16
Лезу	18
Мечта	19
Я одна этот мир не согрею	21
Моя осень	23
Солнцами, лунами...	25
Стих-шаблон или как не нужно писать стихи...	27
Прогулки во сне	29
Стихи лились водою из-под крана	31
Ты – лучшее, что есть сейчас во мне...	33
Кромка	35
Месяц звёзды начистил	36
Ты – моё сердце	38
Не твой волк	40
Не болей	41
Ноябрь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Иванова

Группа ИСП ВКонтакте

Редактор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6684-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интернациональный Союз Писателей

Международный (Интернациональный) Союз писателей, поэтов, авторов-драматургов и журналистов является крупнейшей в мире организацией профессиональных писателей.

Союз был основан в 1954 году. До недавнего времени штаб-квартира организации находилась в Париже, в данный момент основное подразделение расположено в Москве.

В конце 2018 года правление ИСП избрало нового президента организации. Им стал американский писатель-фантаст, лауреат литературных премий Хьюго, «Небьюла», Всемирной премии фэнтези и других – Майкл Суэнвик.

<https://t.me/inwriter>

<https://vk.com/inwriter>

<http://inwriter.ru>

<https://web.facebook.com/groups/soyuz.pisateley>

Я не пишу стихи. Я ими думаю

Спирина Валентина Петровна, урождённая Иванова, отсюда и фамилия, под которой пишу. Родилась 17 мая

1972 года в маленьком провинциальном, но очень красивом старинном городе Касимов. Четвертая дочка в обычной рабочей советской семье.

В 1978 году умерла мама.

Мне было 6 а ей всего лишь 40...

А за окном вовсю смеялось лето...

Но всё за нас давно решили где-то...

Не было ни страшно, ни больно. Было непонятно: «Почему вдруг тебя не стало?» Страх и боль пришли позже и не отпускают по сей день, и по прошествии многих лет, я с мамой, как с живой, разговариваю...

Мама, мамочка, помнишь – платье из ситца?

Ты его на мое день рождения сшила...

А я помню. Оно до сих пор мне снится...

Рядом с домом находилась Станция Юных натуралистов, где и пролетели семь лет моей жизни. Уход за животными и растениями, позже селекционные работы с ягодами и, как итог – медаль участника ВДНХ СССР.

Потом была лёгкая атлетика. Но я не полюбила её, а она меня и я перешла в секцию гребли на байдарках. Чемпионка и призерка России и ЦС «Динамо»

А потом грянули 90-ые... Пришлось поставить весло в угол и пойти работать. В то время в нашем городе выбор

работы был ещё большой, но я пошла на хлебозавод. Он был недалеко от дома и мне всегда нравилось, когда со стороны завода тянулся аромат свежего хлеба.

*Вы знаете, какое это чувство,
Когда над полусонною землёй,
Плывет и разливается так вкусно,
Дыханье хлеба, созданный тобой...*

Там и пронеслись ещё 24 года моей жизни. Там же я вышла замуж, родила троих детей – двух дочек и сына.

В 2007 году попала в больницу и, казалось бы простая операция, обернулась четырьмя годами больниц и чередой последующих операций. Там, в больнице, я и начала писать стихи, дабы хоть как-то оттолкнуться от невеселой реальности.

*Мне бы пару минут одиночества,
Чтобы громко, по бабы, завывать.
Я живая! И мне ещё хочется
Полноценною жизнью пожить...*

Но всё проходит. Больницы, слава Богу, закончились. Я вернулась к теперь уже «почти» нормальной жизни. Дети выросли. Работу пришлось сменить на более легкую. А стихи остались.

Как Вы думаете, кто такой, что такое – поэт?

Четыре строчки, вылизанные в угоду рифме?

Да нифига! Поэт это тот, кто видит свет, там, где его нет.

Это менестрель, шагнувший на грязный асфальт из старинных мифов.

Как Вы думаете, о чем должен писать поэт?

О природе, о быте или о любви несчастной стонать и плакаться?

Да сейчас вот! Это на любой вопрос стихами выдать полный ответ.

В грязь готовый нырнуть с головой, не боясь испачкаться.

Встаньте те, кто считает, что он поэт!

Ох, сколько вас встало, можете обратно садиться.

Можно тысячу строк написать, а стихов как не было, так и нет,

Рифмовать научились многие, а поэтов среди них – единицы.

Поэт – это вам не денег мешок,

Это луна в стакане на завтрак и на обед в кастрюле кипящее солнце,

Это не стишок, не нервный смешок, а дрожь до самых кишок,

Это сердце, вырванное из груди, которое на ладони бьется.

*Поэт – это неба серо-лиловая акварель,
С облаками-клоками старой рабочей флуфайки,
замызанной дочерна,
Это детская, молоком пахнувшая, постель,
И сказки, придуманные специально для сына или дочери.*

*Поэт – цветов полевых свежий букет,
Собранный утром, специально для матери,
Это соловей, встречающий вместе с тобой рассвет,
Поющий для всех. ДЛЯ ВСЕХ. А не избирательно.*

*Успокойтесь! Девяносто девять процентов из нас,
Никогда не встанут с Пушкиным и Пастернаком
на одной полке,
И никто не услышит ваш, вопиющий в пустыне глас,
Хоть голос сорви, охрипни – никакого не будет толку.*

*Да, и я по большому счету, увы, не поэт.
И не стать мне никогда Цветаевой или Ахматовой
новой.
Да пофиг. Я к этому не стремлюсь. Поверьте – нет.
У меня своя фамилия есть. Я Иванова. Валентина
Иванова.*

День. Месяц. Год

День первый. Месяц десятый. Год восемнадцатый.

Деревья еще помнят лето и частично зеленые.

Я хочу запомнить день этот, я всё ещё глупо влюбленная.

А осень уже хватает за горло холодными желтыми пальцами.

Месяца десятый. День первый. Год... Ну да, восемнадцатый.

Мы знакомы... Послезавтра будет уже полгода.

Я, только не смейся, песней стала твоей, а ты – моя личная природа.

А осень, зараза такая, сама от холода своего зубами клацает.

Год восемнадцатый. Месяц десятый. День первый – закончился.

Обнимаю тебя стихами, словно сетями опутываю.

Дорожу каждым мигом с тобой, каждой-каждой-каждой-каждой минутой.

А дождь за окном под порывом ветра стонет, дрожит, скособочился.

Месяц. День. Год. Час. Минута – какая к черту разница?

Мне календарь не нужен, пока я с тобою счастлива.

И пусть это всё так и останется красивой сказкою.

Осень дождливая, костлявая, холодная, глядя на нас,
плачет от зависти.

Ну и что, что осень

Ну и что, что дождь и осень за окном,
Я с утра тебя на танец приглашаю.
По траве – пока зеленой – босиком.
Проводить фокстротом птичьей стаи.

Включим музыку, чтоб было слышно всем,
Не для нас написаны шаблоны,
Дождь. Октябрь. И куча разных дел,
Мы с тобой, давай, оставим дома.

Будем танцем серость поджигать,
Крупным каплям лица подставляя.
Счастье – есть. И некогда нам ждать,
Счастья слишком много не бывает.

Дальше – вальс. Потом задорный твист.
Румба, самба, танго и ламбада.
Под прохожих крики, смех и свист —
Но мы счастливы, а значит, всё как надо.

Ну и что, что дождь и осень за окном.
Я тебя на счастье-танец приглашаю.
Оглянись вокруг – весь мир – наш дом,
Где в любой сезон любовь витает.

Мистический лес

В одном из закоулков моих снов есть лес мистический,
где бродят наши души,
Деревья там под стон седых ветров одежды скинули,
приличия нарушив.

Твоя душа, как сотни светлячков, витает между веток,
свет рождая.
Моя же – словно призрак без оков – там, где темнее,
место выбирает.

Душа твоя звенит, как летний дождь – такая нежно-
трепетная сказка.
Моя – зубами выбивает страха дрожь и постоянно носит
злые маски.

Мы – свет и тень. Мы – черно-белый фильм. Две стороны
одной монеты-круга.
Наш лес мистический над нами подшутил и мы теперь
не можем друг без друга.

В одном из коридоров моих снов деревья обнаженные
застыли.
И сотни маленьких, но ярких светлячков тропинки
посыпают звездной пылью.

И я по этой яркой полосе иду к тебе, сквозь дебри снов туманных.

В мистическом лесу во всей красе обнажены все стороны обмана.

И правда здесь раздета догола, насквозь пробита лучиками света.

Я, оказалось, до тебя – спала. С тобой – иду в мистическое лето.

Лезу

Лезу, навязываюсь, достаю,
Лезвия-мысли голову режут мою,
Лестницы-чувства подняться не дают,
Летописец с хрустом перья ломает. А я пою.

Бессонница, графоманю, строчу.
Бестолковая – твоего признания хочу.
Бесполезно – знаю. Я сама за всё заплачу.
Без дыма пылаю, в нарисованный костёр лечу.

Нелюбовь, ненужность – удел.
Недобылью кружит рой мыслей-стрел.
Нереальность наружу – ты ничего не хотел.
Неразбавленный ужас заполняет любви пробел.

Ночь, одиночество и тоска.
Ноет сердце, сжала ледяная рука.
Ножницы-сны делят жизни моей берега.
Ноль – я для тебя, круг на воде, замок из песка.

Мечта

На часах почти полночь, а значит – пора волшебства,
Закрываю глаза – на мне платье из сказки про Золушку.
Мы танцуем с тобой и роняем минуты-слова.
А всё самое главное кружится в воздухе перышком.

Полчаса еще будет карета стоять у крыльца,
А потом моя тыква займет своё место на кухне,
На ноже, что разрежет её, засверкает пыльца —
Отблеск звезд, что горели для нас, а теперь потухли.

Еще двадцать минут будет плавиться в танце наш мир.
Целых двадцать минут бесконечного полного счастья.
А луны циферблат поплывет и растает, как сыр,
Ты не знаешь ещё, что в лохмотья рассыпется платье.

Всего десять минут для того, чтоб успели понять —
Этот мир будет жить и вращаться без нашего завтра.
Но держу твою руку и так не хочу отпускать,
Только движутся стрелки – минут наших горькая жатва.

Пять минут... Нет, четыре... И нужно уже убегать,
Долгой лестницей вниз, разбудить задремавшего кучера,
– Эй! Гони! ... Бьют часы. Я не сплю. Продолжаю
мечтать...

Ты найди, там на лестнице где-то осталась мечта – моя туфелька.

Я одна этот мир не согрею

Когда-нибудь я перестану писать тебе длинные письма-простыни,

Может кончатся слова, а может найдется другой объект поклонения.

И через год, уже другой – не нашей с тобой осенью,

Я чье-то сердце новой волной строчек-писем залью, как в систему отопления.

А, может быть, даже в ответ получать буду такие же письма.

Ну ведь должно же мне повезти, я на это надеюсь.

Ну должно же быть хоть что-то взаимное в моей жизни.

Я же одна этот мир не смогу обнять и одна целый мир не согрею.

Вдруг однажды вместо простого, сухого «привет» услышу – привет, любимая.

И даже если за окнами будет снег с гвоздями – это будет самая лучшая погода.

Это будет тот самый, долгожданный рассвет неповторимый.

А за окном – дождь, снег, шторм посреди самого жаркого времени года.

Когда-нибудь... Когда-нибудь это обязательно произойдет – верю.

Осью мира станут сомкнутые наши руки – мои в твоих – крепко.

И если всё вокруг будет казаться холодным, сырым и серым,

Вынем два сердца и подарим этому миру, повесим на проводах – на скрепки.

Этого хватит, чтобы улицы заиграли новым, теплым, волшебным светом.

Станет теплее всем, а не только изнутри, за обитой кожей дверью.

Но только если вдвоём. Где чувства – пополам. Обязательно с ответом.

А одна... Хоть заживо сгорю, килоджоулей не хватит. Одна этот мир не согрею.

Моя осень

Бусы рябиновые? Нет. Избито, заезжено, замусолено.
Может, четки? Ну тогда это точно не про чувства и не про любовь.

Ягоды рябины – это интерпретация адреналина вольная.
Взрывной волной по деревьям разбросана красная гамма слов.

Реки багровые – это не те, что в знаменитом триллере у Люка Бессона,

У нас это листья осины, клёна, хмеля и еще черт те знает чего.

Это закатное солнце, всё ещё яркое, но уже прохладное, полусонное.

Нити-ручьи, тянущиеся к тебе навстречу, через тысячи верст, из сердца моего.

Золото осени... До того затаскано, что звучит уже даже пошло.

Да не золото это, даже не рондоль, не латунь и уж совсем не медь.

Это... Это такая, согласно времени года, увядающая кожа.

И лучше скорее всё это собрать и сжечь. Красиво же будет гореть.

Странная получилась осень. Какая-то извращенно-больная. Горькая.

А я не хочу петь гимн природе, которая стремительно подышает.

Да, у меня неправильная правда, насыпана ведро с горкою.

Зато, она моя – не золотая, не красивая, холодная. Но всё ещё живая.

Солнцами, лунами...

Солнцами, лунами, тучами, градами чувства свои
нарисую к тебе.

Ветром, дождем, травой, камнепадом я расскажу про
любовь.

Чистым ручьем, деревьями, листьями, счастьем,
добытым в борьбе,

И бесконечными длинными письмами, под скатерть
положенных вновь.

Тропами, речками, звездной дорожкой, солнечным
ярким лучом,

Курганами-сопками, сладкой морошкой, свой передам
привет.

Волчьими песнями, бубном шамана иль воина древним
мечом,

Искренне, честно и без обмана лишь тебе нарисую
рассвет.

Сказками, плачем, рыданием бури, стуком за клеткой
грудной,

Яростной лаской, поцелуями, смехом взорву твой
анабиоз.

Весь этот мир на ладонях с мозолями – только тебе,
дорогой.

И сердце моё в любовной агонии, да россыпь пылающих
звёзд.

Как не нужно писать стихи

Стих-шаблон или как не нужно писать стихи...

Дождь голову насквозь пробил мою,
Проникнув в вены вытесняет кровь.
От боли обезумев, я пою
Да! Даааааа!
Шаблонно вою про любовь!

Дождь вытекает из меня стихом,
И ливнем букв ложится на экран.
А в горле ком – соленый, горький ком.
Да! Даааааа!
Душа, разорванная в хлам.

Дождь смыл с меня защиту от тебя,
Иммунитет растекся лужей слёз,
Мурашки кожу тонкую едят.
Да! Даааааа!
Инъекции-шипы из мёртвых роз.

Дождь уходил, забрав с собою сны,
Оставив лишь скелет ненужных чувств,
И тень, что бьётся в танце у стены.
Да! Даааааа!
Не тень, а я на части рвусь.

И да!

Шаблон, стандарт, клише и трафарет.

И да!

Стихи вот так писать нельзя, друзья!

И да!

В любви – любой – шаблонам места нет.

И даааааа!

Под дождь сегодня очень злая я.

Прогулки во сне

В небесах океан, а у ног моих плещется космос,
Где-то там синий кит мне приветливо машет хвостом,
Неуверенный, медленный шаг – я ступаю по звездам,
В пеньюаре надежд, оставляя печаль на потом.

Если небо внизу, значит дождь, это те же фонтаны?
Млечный путь на земле – значит можно дойти до тебя.
Босиком, через дождь, обходя черных дыр капканы,
Завернувшись в свой сон я скольжу, веру в счастье храня.

Если в небе вода, значит волны – такие же тучи?
Ай, неважно, мой путь будет долгим к тебе, непростым.
Ой, как жжет! Из земли вырос солнечный лучик.
Это он среди осени ожил, согретый дыханьем твоим.

Если это всё сон, почему не могу я проснуться?
Почему слышу голос за замерзшим моим плечом?
Чтоб по звездам идти мне футбольные надо бы бутсы.
Ноги целые будут и будет не так горячо.

Небо, космос, дороги, пороги, фонтаны и рыбы —
Всё смешалось в моем, одичавшем от грусти, сне.
Было б здорово, если по звездам ходить мы могли бы.
Через пару часов я б к твоей прикоснулась стене.

Стихи лились водою из-под крана

Стихи лились водою из-под крана,
Казалось бы – прозрачные и чистые,
Но химик в голове моей упрямой,
Бил по рукам – смотри, какая быстрая!

Что есть вода? Вода, конечно, жизнь.
И без неё погибнет вся планета.
Водою можно землю оживить.
Способна и убить стихия эта.

Вот так же и стихи. Набор из слов,
Одни летят легко, касаясь сердца,
Другие словно липкий, черный смог —
Ни сделать вдох, ни словом не согреться.

Вода из родника всегда бодрит,
Потоком свежим побежит по телу,
Холодная, а все внутри горит,
Еще глоток – и вот душа запела.

И прочитав однажды добрый стих,
Ты словно ледяной воды наполнился,
Твой демон, что внутри тебя, затих,
А ангел белой птицей в небо взвился.

Стакан воды отправит на тот свет,
Коль в ней солей тяжелых больше нормы.
Вода в бутылках – экологии привет,
Всё тот же кран и этикетка для проформы.

И тот же стих, что вылизан дотла.
Слога посчитаны, и рифма не танцует.
А вот душа там рядом не была,
Художник по лекалам не рисует!

К чему веду я этот монолог?
Душа во всем должна быть очень чистой.
Воды живительной так хочется глоток.
И чтобы стих взлетал ярчайшей искрой.

Чтоб добрым словом ты встречал рассвет,
Стихи-вода затягивают раны.
И чтобы много добрых, долгих лет
Стихи лились водою из-под крана.

Ты – лучшее, что есть сейчас во мне...

Ты лучшее, что есть сейчас во мне,
Ты тайны облако, когда я так открыта,
Когда душа вся в дырах, словно сито —
Ты – лучшее внутри меня. Извне.

Ты половина сердца моего,
Таинственная часть души-открытки,
Озябшей и промокшей каждой ниткой.
Ты – теплое, живое естество.

Ты самый лучший, вдохновенный муз.
Ты каждым звуком окрыляешь душу,
Которая тебя умеет слушать.
Ты тот, с которым падать не боюсь.

Ты... Ты лучшее, что силы придает,
Когда, казалось бы, весь мир клыки оскалил,
Когда доверие к другим разбилось в скалах,
Ты поднимаешь и ведешь вперед.

Ты лучшее, что есть сейчас во мне.
Я красной ручкой напишу на сердце,
Ты крик моей души в сто мегагерцев.

Ты – лучшее, что есть сейчас во мне.

Кромка

Оказалось, как просто тебя любить.
Ничего не ждать в ответ, не надеяться.
Просто можно о чувствах своих говорить,
И следовать за тобой прозрачной метелицей.

Показалось даже, что отвечаешь мне.
Ан нет. Всего лишь мираж... Показалось.
Нет меня ни в стихах твоих, ни в твоём сне.
Это только мечты мои. Малость или жалость?

Почудилось на мгновение, что нужна.
А оказалось – одна из многих – статистка.
Ты устал от меня и в эфире сквозит тишина.
Ты молчишь, а я... в зоне исторического риска.

Не кажется мне. Люблю тебя. Просто.
До внутренней дрожи, до слез, до ломки.
В океане будней, ты мой тропический остров.
Вокруг океан, а я – берега твоего тонкая кромка.

Месяц звёзды начистил

Месяц звёзды до блеска начистил —
Засверкали, как горный хрусталь.
Вот бы мне откэшировать мысли,
Чтобы памяти выбелить сталь.

О падениях горьких не плакать,
Не сгибаться под ношей любой.
Утро. Кофе и булочка с маком —
Это счастья рецепт простой.

Милый сердцу родителей домик,
В окнах темных нет света давно,
Память сердца застыла в коме,
Словно кадры немого кино.

Ну же, хватит! Включи киноленту!
Пусть моя продолжается жизнь.
Ещё много хороших моментов,
Будет мне ещё чем дорожить.

Месяц звёзды начистил до блеска —
Грянул первый мороз в ноябре.
И узоры на лужах с треском
Под ногами умрут на заре.

Ты – моё сердце

Я напишу это только тебе.

Напишу-прошепчу на ушко – ты в сердце моём.

Ты – мой утренний чай,

настольная книга и самый любимый фильм.

Ты – теплый плед,

кофе со сливками, да даже снег, что идёт с дождем,

Ты – сердца стук,

на все вопросы ответ и шторм – тоже ты, и мой штиль.

Я расскажу только тебе.

Больше никто не услышит мысли мои.

Ты – все буквы,

что в новой повести, сказке, романе, в моих стихах
звонят.

Ты – музыка,

которую слышат все, но только для меня и только во мне
звучит.

Ты – океан,

который омывает огромный берег, но ласкает только
меня.

Я буквами нарисую только тебе одному —
огромный горизонт из моих строчек.

Ты – месяцем будешь светить мне

даже в самый сильный туман, сквозь тучи.

Ты – ты просто есть,

но этого для меня бесконечно много. Очень. Очень.

Очень.

Ты – такой один. Других не хочу.

Ибо любимый может быть только один. Лучший.

Я не часто такое говорила в жизни,

а что-то пишу впервые. Волнуюсь. Честно.

Ты – просто будь, пожалуйста,

будь рядом, хотя бы теплым махровым полотенцем.

Ты – ветер, который только для меня,

ты и есть – под солнцем – моё место.

Ты – во мне каждым звуком,

ты в сердце моём. Нет, не так. Ты и есть – моё сердце.

Не твой волк

Внутри меня опять волчица воет,
Когтями горло рвет и гонит сон.
И с головою накрывает болью —
Твой волк – не твой.
В другую он влюблен.

Луне холодной посылает песни,
Она в ответ смеется свысока.
А мир замерз и от мороза треснул.
Твой волк – не твой,
С другой он в облаках.

И не волчица вовсе, а дворняга
Скулит со звоном ледяной травы.
Ты кровь-стихи роняешь на бумагу.
Твой волк – не твой,
С другой он смотрит сны.

Прилягу и морозом, словно пледом,
Накроюсь, чтоб никто не слышал вой.
На небе звезды пишут мертвым светом:
Не твой твой волк
Он создан для другой.

Не болей

Болью головной поделись со мной —
Легче будет.
Я в стихах с тобой, а ты в музыке — мой,
Близкие люди.

Буду талой водой, или буду звездой,
Буду чудом.
Стану, если надо, горой или стеной —
Буду всюду.

Хочешь, буду рекой или травой —
Плодом стану.
Средь зимы, если нужно, стану весной —
Птичьей стаей.

Для тебя одного стану я росой,
Если надо.
Только не болей, мой самый родной,
Я же рядом.

Ноябрь

Ноябрь стонал сегодня у ворот.
– Ну заходи, ему я прошептала.
А он улегся на крыльце устало,
Его следы отметил первый лёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.